

— «...Вы представьте — встретились два одиноких человека, уже не первой молодости, серьезные и основательные, он и она, и решили жить вместе. Сели друг напротив друга и начали договариваться по каждому пункту, буквально так: «Ты делаешь в семье это, а я — то... А финансы мы распределим следующим образом... Если же кто из нас заболеет вдруг, то поступать будем так-то и так-то...» Словом, обсудили они заранее, эти двое, возможные перипетии их совместного быта и стали жить вместе. Без любви, но по уму. Не сгорая от страсти, но уважая друг друга. Не друзьями, но партнерами. Партнерами по выживанию. По доживанию — того, что им отмерено еще судьбою. Спокойные отношения без романтики и иллюзий, прохладные, но зато надежные — разве хуже они горячки страстей? Ведь зрелость, а затем идущую за ней старость надо встречать во всеоружии, готовыми ко всему».

Роман читал этот текст с монтажного листа и внутренне морщился. Бред какой-то. И сам фильм — тоска зеленая. На экране — бесконечная зимняя дорога, тянущаяся мимо заснеженных деревьев с нависшим над ними серым небом.

Мелькают деревья, тянутся облака. Голос Романа, накладывающийся на картинку, тоже звучит как-то устало и заунывно. Кто это смотреть согласится, какой зритель?

Роман озвучивал документальный фильм о некоем ученом, давно ушедшем из жизни, еще в начале двадцатого века. Данный отрывок был взят из дневников этого почтенного товарища. Вот нудный и бестолковый мужик, даром что светило и академик.

Ну какой еще брак по уму, по договоренностям, для выживания-доживания в сорок четыре-то года?! (Собственно, столько недавно исполнилось и Роману.) В семьдесят задуматься о том, что хорошо бы иметь надежного человека рядом, — это нормально, но в сорок...

Хотя, если вспомнить, раньше все было по-другому. «В комнату вошел старик тридцати лет...» Кто из классиков так сказал, Пушкин о Карамзине, кажется?

Нынче же тридцать — это вообще юность. А сорок и даже сорок с хвостиком — молодость. В сорок современный мужчина полон сил и энергии и завидным женихом считается. Да что там... И в семьдесят, и в восемьдесят люди женятся, не опасаясь насмешек окружающих. И потом, зачем обязательно искать пару, вступать в брак, если так боишься старости и немощи? Не проще ли сиделку найти, домашнюю помощницу? Дешевле обойдется, чем жену содержать. Бред, бред! Ученый, а дурак, этот товарищ из прошлого.

Роман остановил запись, отвернул микрофон в сторону, стянул с головы наушники и откинулся в кресле назад.

Обычно он, профессионал с многолетним стажем, никак не реагировал на те тексты, что ему приходилось озвучивать. Платили достойные деньги за его, Романа Катаева, голос, и хорошо.

Вот и в этот раз, соглашаясь на сотрудничество с известным режиссером-документалистом, Роман никак не ожидал подвоха. Был уверен, что, как обычно, уложится минута в минуту — высший пилотаж для диктора, актера озвучания. К примеру, фильм идет тридцать минут, а он, Роман Катаев, озвучит его за тридцать пять. Это же не художественное кино, где все сложнее и тоньше.

Но в этот раз почему-то все пошло не по плану...

Роман, продолжая злиться на героя фильма, от чьего лица читал текст, невольно вспомнил Иду, с которой расстался летом, где-то полгода назад. Иду-Аделаиду, адскую Иду, Иду из ада... Вот женщина-огонь! Что, интересно, она сказала бы, если б Роман предложил ей брак по расчету, для выживания в старости?

Она расхохоталась бы. Съязвила бы: «Ты что, Катаев, рехнулся? Предлагаешь мне за тобой горшки на старости лет выносить?»

Ида — дама пик, фамм фаталь, Кармен наших дней. Собственно, потому Роман с ней и расстался после пяти лет отношений — у него уже крыша стала ехать от этих страстей, и у нее, кстати, тоже. Скандалы и истерики, ревность и ненависть

с обеих сторон. Невыносимо. Поначалу Роману нравился пылкий характер его возлюбленной, но потом он понял, что не в силах его выносить, что невозможно каждый день есть один только жгучий перец.

Так вот, а что, если представить Иду старушкой-подружкой? Нет, тоже невозможно. И потом она моложе, ей сейчас сколько? Тридцать три, кажется. И не замужем. Раньше, при царе, старой девой считалась бы, сейчас вон алкоголь в супермаркете без паспорта, поди, не продадут — личико свеженькое, без единой морщинки.

«Да и к чему нужна сиделка, жена?» — поморщился Роман. Ведь в случае чего он может позвонить сестре, Наталье. Она всегда поддержит. Племянник — Виталька — у нее на подхвате...

У Романа были очень теплые отношения со старшей сестрой и ее сыном. Наталья преподавала в одном из лучших московских экономических вузов. Без мужа родила сына, для себя. Очень самостоятельная, умная, рассудительная женщина. Виталька, правда, тот еще раздолбай, но, опять же, нынче парню быть раздолбаем в двадцать один год — это нормально. Виталий считал своего дядю Романа почти отцом.

Так что для чего еще эти договоренности с левыми тетками, тут сестра и родной племянник на себя все заботы о нем возьмут. Да и зачем Роману нужна чья-то помощь, он же здоровый мужик, никогда ни на что не жаловался, вот с этого и надо начинать...

А до старости и вовсе далеко.

Роман потер затекшую от долгого сидения шею, зевнул. Посчитал мысленно до десяти и успокоился.

Затем вновь приступил к озвучке.

Когда закончил — вздохнул от облегчения.

В комнате было тихо. Не просто тихо — стояла невесомая, прозрачная, абсолютная тишина. Она давила на уши.

Эту комнату в своей квартире Роман переоборудовал под студию звукозаписи, чтобы ни один шорох извне не мешал. Установил специальное оборудование, дорогое и профессиональное. Ремонт потребовал больших денег, зато теперь Роман не зависел ни от кого, был сам себе хозяином. Напрямую договаривался с клиентами, с теми, кто нуждался в озвучке, и занимался ею, не выходя из дома. Никаких посредников, не надо мотаться по городу, арендовать у кого-то специальное помещение... Нет, конечно, какие-то виды работ требовали того, чтобы Роман занимался дубляжом в студии заказчика, но, в сущности, он как профессионал теперь мог свободно распоряжаться своим временем.

Помимо звукоизоляции в студии Романа была установлена и вентиляция, но сейчас появилось не только давящее ощущение в ушах — отчего-то стало душно... Навалилось нечто неприятное, напоминающее приступ клаустрофобии. А если он в этой комнате потеряет сознание, сколько ему придется пролежать тут? Если даже и пошевелиться будет не в силах? И ведь не докричишься... Никто не услышит. Сестра позвонит, как всегда, в выходные, а Ви-

тальяка — только если ему деньги понадобятся. Ну и с праздниками если поздравить. Новый год через месяц с небольшим. М-да, вот тогда племянник и объявится. А заказчик... Ну, заказчик тоже не сразу начнет Романа искать, только когда срок сдачи работы приблизится.

Роману стало совсем не по себе. Он быстро встал из кресла, на миг даже показалось, что голова закружилась. Но у него никогда раньше не кружилась голова, разумеется, кроме тех случаев, когда принимал на грудь лишнее. Да и прошли те времена, когда он позволял себе много пить.

«Блин... этот фильм дурацкий. И время года самое поганое! Надо прямо сегодня ехать к этому режиссеру, отдать ему готовый материал и больше никогда с этим типом не связываться».

В гостиной Роман подошел к окну. Еще не вечер, но густые фиолетовые сумерки уже окутывали город. Голые деревья, черный асфальт. И что это там переливается в свете фонарей, что за морось? Похоже на мокрый снег. Первый снег... А что, пора, уже начало ноября.

Набрал номер на мобильном телефоне:

— Алло, Александр Андреевич? Добрый день. Катаев, да. Где-то через час, наверное, буду. Да, готово все, пораньше освободился. Думаю, чего тянуть. Спасибо. До встречи!

Своего авто у Романа не было. Зачем? Каждый день на работу ему отправляться не надо, дачи нет. Вернее, дачу (свою половину семейного гнезда) он отдал сестре; всякие гипермаркеты, где московская

публика затаривалась продуктами, Роман терпеть не мог. Проще еду по Интернету на дом заказать. Если еще вспомнить о сложностях парковки в городе, оплате ее и куче денег, выброшенных на техобслуживание машины, бензин и штрафы... А нервы — когда наблюдаешь дураков на дороге, в опасной близости от себя? А ругань с соседями — чье место у дома занял? Слишком много неприятных нюансов получается. Роман во всем — в работе, в быту — пытался оптимизировать все свои действия, избегал ненужных финансовых потерь. Старался затрачивать меньше душевных и физических сил...

Так что по городу Роман ездил в основном на такси. Вот и сейчас хотел его заказать... Но, проверив в Интернете, есть ли пробки на дорогах, обнаружил, что на его маршруте сплошные заторы.

Тогда уж лучше на метро.

Оделся быстро — накинул пальто, кепку, горло бережно укутал шарфом, под мышку сунул портфель и вышел из дома.

В лицо Романа мало кто знал. Или, вернее, так — в лицо его знали лишь те, кто интересовался компьютерными играми, которые он озвучивал. Или вот еще другие, кто смотрел научно-технические, познавательные передачи — там он, случалось, иногда мелькал на экране, хотя в основном являлся тем самым «голосом за кадром»... Поэтому на улице, в транспорте люди проходили мимо Романа. А вот по голосу его узнавали многие.

На улице холодный ветер бросил в лицо порцию липкой мороси. Роман поморщился, прикрывая

щеки воротником пальто: «Можно было и с курьером договориться... Хотя нет, сегодня предстоит личная беседа».

Роман спустился в метро. До часа пик было еще далеко, однако показалось, что народу многовато. «Все же лучше бы на такси!» — опять с досадой подумал он, втискиваясь в вагон, набитый людьми.

На одной из центральных станций вышел, чтобы сделать пересадку. Жарко, душно! И как-то нехорошо. Внезапно возникла боль где-то в груди слева. Где сердце.

Сердце у Романа никогда не болело.

Он сел на лавочку, достал мобильный, набрал номер сестры. Абонент недоступен... Наталья, наверное, в институте. Когда она читает лекции, то всегда выключает свой телефон. Ни написать ей, ни позвонить — никак. Номера деканата, как назло, в записной книжке не было. Так бы кто сбегал за ней из деканата в аудиторию... Роман набрал номер Виталика. Гудки, долгие гудки без ответа. Этот паршивец отвечал только тогда, когда ему удобно было.

Ивану, другу, позвонить? Да, пожалуй. Но стыдно. Не мужик он, что ли?

Роман сидел, скорчившись, с телефоном в руке. Мимо сновали люди, проезжали поезда. Может, сейчас лучше станет?

Но лучше не становилось. Наоборот, сознание стало затуманиваться, боль в груди усилилась. Это было жуткое, неприятное ощущение. И дольше медлить было нельзя — в какой-то момент ощутил Роман.

— Помогите... Помогите! — прохрипел он, держась за сердце. Кто-то кинулся к нему, какая-то женщина предложила таблетку нитроглицерина.

— Да «Скорую», «Скорую» вызывайте уже... Дежурная! Тут человеку плохо! — нетерпеливо закричал кто-то рядом. И это было последнее, что Роман слышал, потому что в следующую секунду он потерял сознание.

Очнулся только в «Скорой». Машину слегка потряхивало на поворотах.

— Лежите, мужчина, лежите, вам нельзя двигаться! — строго прикрикнула фельдшер в синей спецодежде.

— Мне позвонить...

— Не двигайтесь!

Романа отвезли в кардиологию.

Провели общее обследование, взяли анализы. Опросили, осмотрели. Еще раз сняли электрокардиограмму.

Врачи серьезные. Строгие. Все делали аккуратно, но как-то быстро, решительно, не слушая его протестов и просьб, словно Роман уже не имел воли, не владел собой, был маленьким ребенком. Оно и понятно — кардиология, тут не покапризничаешь, тут промедление смерти подобно...

И да — мысленно Роман уже распрощался с жизнью. А что, в этом возрасте мужчины часто уходят в небытие, причем происходит это внезапно, без каких-либо предпосылок.

И теперь в этом холодном свете ламп, что освещали пространство палаты интенсивной терапии,

фильм, который Роман озвучивал утром, показался ему неким пророчеством. Ну а что, молодость и здоровье действительно не вечны!

Слаб и самонадеян человек, думая, что владеет своей судьбой. А она берет да и щелкает его вдруг по носу в один «прекрасный» день, напоминая, кто в этой жизни хозяин...

Когда к кровати подошел лечащий врач — серьезный мужчина с бумагами в руках — и заговорил деловым тоном, Роман обмер и обмяк, понимая, что сейчас ему произнесут приговор.

— Так, Роман Петрович? Что у нас тут... Электрокардиограмма никаких патологических изменений в сердечном ритме не зафиксировала. Аритмии нет, экстрасистолия в норме. Гипоксии миокарда не обнаружено... — Кардиолог говорил и говорил, а Роман не понимал смысла сказанного.

— Доктор, что со мной? Сколько мне еще осталось? — с отчаянием спросил он, ожидая, что сейчас услышит в ответ нечто страшное. Например, «Будем честны. Вам, Роман Петрович, осталось совсем немного». Или: «Вам нужна пересадка сердца, но операция еще ничего не гарантирует».

Но доктор вдруг улыбнулся:

— Господи, да я ж вам толкую, что сердце у вас в порядке, Роман Петрович!

— Да? А что же тогда...

— Скорее всего дал о себе знать позвоночник. Шейный остеохондроз, наверное, но это уже не наша операция. Работа у вас сидячая?

— Да...

— При шейном остеохондрозе нарушается иннервация тканей в плечевом поясе. Рецепторы этих областей не получают достаточное количество импульсов и влияют на центры иннервации сердца. Центральная нервная система воспринимает такие импульсы как болевые, и возникает кардиалгия. — Врач посмотрел в лицо Роману и затем добавил уже другим голосом: — Короче, сосуд пережало в шее, а показалось, что это сердце болит.

— Но я потерял сознание...

— Это нормально. Артерия в позвоночном отделе сдавлена, кровообращение ухудшается, организм пытается устранить проблему, кровоток усиливается за счет повышения артериального давления — вот вам и потеря сознания.

— Так я здоров, что ли? — с изумлением спросил Роман.

— Ну, здоровьем это тоже назвать трудно... будете наблюдаться у невролога по месту жительства. Думаю, вам рекомендован массаж и занятия ЛФК, то есть лечебной физкультурой... Хотя мы вас не сразу выпишем, понаблюдаем еще, с холтером ходите... А так — прогноз благоприятный. Не наш вы пациент, Роман Петрович.

— Так это не сердце?! — наконец осознал Роман. Появилось ощущение, будто его буквально за секунду до гибели кто-то вытолкнул на обочину из-под колес мчащегося поезда.

— Да. Извините... Больно голос у вас знакомый, никак не могу вспомнить. Мы знакомы? — вдруг улыбнулся доктор.